Сергей Алексеев

"Рассказы о героическом Севастополе"

Севастополь. Город русской доблести, русской гордости, русской славы. Всем известна знаменитая оборона Севастополя под руководством адмиралов Нахимова и Корнилова в прошлом веке во время Крымской войны.

В годы Великой Отечественной войны на долю Севастополя выпали новые испытания.

Ещё в первые месяцы войны, когда у фашистов было больше пушек и танков, самолётов и миномётов, враги прорвались к городу Севастополю.

В октябре 1941 года началась героическая оборона Севастополя. Продолжалась она 250 дней.

Много великих подвигов во имя Родины и свободы совершили отважные защитники Севастополя. О вечной славе Севастополя, о бессмертных героях севастопольской обороны и написаны рассказы, составившие пятый раздел этой книги.

Цикл рассказов завершается 1944 годом, тем временем, когда после разгрома фашистских войск на Курской дуге, а затем на Днепре советские воины ворвались в Крым и принесли свободу советскому Крыму и советскому Севастополю.

ПЯТЬ И ДЕСЯТЬ

Десять танков ползут по полю. А в обороне лишь пять матросов. Десять танков и пять матросов. Возьми бумагу, реши задачу: кто здесь сильнее, за кем победа?

1941 год. Октябрь. Фашисты прорвались в Крым, подошли к Севастополю. Начались бои на оборонительных севастопольских рубежах. Одна из фашистских танковых колонн приближалась к селению Дуванкой.

Двигались танки. За ними пехота. Место открытое. Вдруг блиндаж. Огонь ударил врагам навстречу. Минута, вторая. И вот четыре танка горят, как порох.

Повернули назад фашисты:

— Там "чёрная туча"!

— Там "чёрные дьяволы"!

— "Чёрная смерть"!

"Чёрная туча", "чёрные дьяволы", "чёрная смерть" — так фашисты называли советских моряков. Боялись они матросов.

В блиндаже под Дуванкоем действительно были матросы. Не туча, правда. Лишь пять человек. Комсомольцы Юрий Паршин, Василий Цибулько, Иван Красносельский, Даниил Одинцов. Пятым — старшим был политрук коммунист Николай Дмитриевич Фильченков.

Отходят фашисты:

— Там "чёрная туча"!

— Там "чёрные дьяволы"!

— "Чёрная смерть"

Прошло несколько часов, прежде чем фашисты вновь начали здесь наступление. Снова танки ползут по полю. Гудят моторы. Скрипит железо.

— Ближе, подпускай ближе,— командует Фильченков. - Не торопись, ребята!

— Не торопись, Цибулько,— повторяет себе Цибулько.

— Не торопись, не торопись, не торопись, - повторяют Паршин, Одинцов, Красносельский.

— Давай! — командует Фильченков.

Полетели вперёд гранаты. Полетели бутылки с горючей жидкостью. Застрочили потом пулемёты. И снова гранаты. И снова бутылки с горючей смесью.

Застыло, казалось, время. Секунды идут годами.

Вновь отошли фашисты. Переждали. Перестроились. Снова пошли в атаку. В бою матросы. В крови тельняшки. Огонь, как лава, съедает травы.

— Давай, ребята!

— Держись, ребята!

Летят гранаты. Долго длился упорный бой. Но вот у моряков вышел запас патронов. Нет больше бутылок с горючей жидкостью. Вот-вот и конец гранатам.

Тогда поднялся политрук Фильченков. Увлёк матросов вперёд в атаку. Вперёд на танки пошли герои. Гранаты в руки. Навстречу силе. Навстречу смерти. Навстречу славе.

Когда к героям пробилась помощь, бой был закончен. Дымились танки. Их было десять.

Металл и люди. Возьми бумагу, реши задачу: кто здесь сильнее, за кем победа?

Сегодня в небо под Дуванкоем гранёным шпилем поднялся мрамор. То дань бесстрашным, то дань отважным. И сокол плавно парит над полем. Хранит он небо и сон героев.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Произошло это в бригаде морских пехотинцев, которой командовал полковник Пётр Филиппович Горпищенко. Много отважных солдат у Горпищенко. В тяжёлых боях бригада.

На одном из участков обороны бригады сложилось так, что тут против советской стрелковой роты наступало сразу три фашистских батальона. Командир роты незадолго до этого был убит. Заменил командира политрук Кочанов.

Молод совсем политрук Кочанов. Усы всего неделю как бреет.

Любопытно бойцам:

— Посмотрим, какой командир из Кочанова.

— Усы неделю как бреет!

Молод совсем командир. А тут три батальона фашистов на роту лезут.

Понимает Кочанов: выйдешь в открытый бои - сомнут, раздавят. Что же делать? Как сохранить рубеж? Задумался Кочанов, вздохнул сокрушённо:

— Пропадай моя телега, все четыре колеса, - повторил Кочанов.

— Связной! Связной! — закричал Кочанов. Подбежал связной:

— Слушаю, товарищ политрук, товарищ командир,— поправился.

— Машины сюда, быстро! Подогнали три грузовые машины.

— Пулемёты сюда, немедля! Тащат сюда пулемёты.

— Отставить. Не те. Спаренные! Отставить! Не те. Счетверённые! Были в роте такие противозенитные пулемёты — четыре ствола у каждого. Притащили сюда пулемёты.

— Грузи!

— Залезай!

— Крепи!

Укрепили на грузовиках счетверённые пулемёты. Получились, как встарь, тачанки. Разница только в том — не на конной, на моторной "тачанки" тяге.

Поставил Кочанов "тачанки" в укрытие. Выждал, когда в атаку пошли фашисты. Вот развернулись фашисты широким фронтом. Устремились вперёд на наших.

— Атакуй! — прокричал Кочанов.

Сорвались "тачанки" с места. Рванулись врагам навстречу. Кругами пошли по полю. Заговорили огнём пулемёты. Дружно — в едином хоре. Сразу басят — двенадцать.

Побежали назад фашисты.

Снова ходили они в атаку: три батальона на советскую роту. Устояла советская рота. Удержали рубеж солдаты. Отступили опять фашисты.

Довольны солдаты. Вспоминают лихую атаку. Вспоминают Кочанова.

— Вот тебе и усы неделю как бреет. Узнал о бое полковник Горпищенко.

— Смелых люблю, умелых уважаю,— сказал командир бригады. Затем добавил:

— А тех, кто и смел и умел, сыном своим считаю. Обнял он крепко Кочанова.

Много смелых, много умелых, много под Севастополем сынов у Горпищенко. Скажем прямо — семья большая.

ТРОЙКА

Подошли к Севастополю фашисты. Блокировали город с суши. Путь к Севастополю — только морем. Но и морем пути опасны.

Морские пути к Севастополю враги заминировали.

Особенно грозными были магнитные мины. Чтобы взорвалась обычная мина, корабль должен был её задеть или на неё наткнуться. Магнитная мина взрывалась на расстоянии. Лежит на дне моря или залива такая мина, ждёт, когда над этим местом пройдёт корабль. Только оказался корабль над миной — сразу страшенный взрыв.

Такими минами и перегородили фашисты морские подступы к Севастополю.

Старший лейтенант Дмитрий Глухов вызвался проложить для наших судов проход через поле магнитных мин.

— Проложить?

— Так точно! — по-армейски чеканит Глухов.

Старший лейтенант Глухов был командиром быстроходного морского катера. Катер маленький, юркий, быстрый. Он как игрушка в руках у Глухова. Пригласил как-то Глухов своих товарищей к берегу Севастопольской бухты. Сел в свой катер. Как метеор по воде пронёсся.

— Понятно? — спросил товарищей. Ничего никому не понятно.

Снова отчалил от берега Глухов. Включил во всю мощь моторы Вспенил катер морскую воду, понёсся по водной глади. Глянешь сейчас на Глухова — словно на тройке летит по морю.

Снова Глухов причалил к берегу.

— Понятно?

— Допустим, понятно,— отвечают ему офицеры. Догадались они, в чём дело.

Предложил Глухов на своём быстроходном катере промчаться по минному полю. Уверял он, что мины хотя и взорвутся, но не заденут катер. Проскочит

катер. Сзади мины будут уже взрываться.

— Да я тут всё подсчитал,— заявляет Глухов. Доложил он командирам свои подсчёты. Цифры разные на листке.— Вот скорость катера, вот время, необходимое для взрыва мины. Вот расстояние, на которое за это время от места взрыва отойдёт катер,— перечисляет Глухов.

Смотрят командиры на цифры.

— Всё без ошибки,— уверяет Глухов.

Посмотрели командиры на Глухова. Дали ему разрешение.

И вот катер дельфином метнулся в море. Смотрят за ним командиры. Прошёл катер совсем немного. И сразу страшенный взрыв. Брызги вулканом рванулись к небу.

— Погибли?!

— Волной накрыты?!

Но вот осели, как листья, брызги.

— Живы! Целы! — вздохнули с облегчением на берегу. Мчится катер стрелой вперёд. И снова взрыв. И снова к небу вода

вулканом. За этим — третий, четвёртый... Одиннадцать взрывов качнули небо. Открылся проход через минное поле. Развернулся катер. Помчался к берегу. Весел Глухов. Ликует Глухов. Посмотрите сейчас на Глухова. Словно не катер, а лихая тройка летит по морю.

ПЛАВУЧАЯ БАТАРЕЯ

В ноябре 1941 года фашисты начали первое наступление на Севастополь. Три недели враги беспрерывно штурмовали город. Не пробились. Не прорвались. Не взяли.

Со всех сторон Севастополь прикрывали советские артиллерийские батареи. Среди тех батарей, которые обороняли подходы к городу с моря, была и одна — плавучая. Находилась батарея в открытом море на внешнем рейде. Построили её на морском заводе. Отбуксировали подальше от берега, установили на якоре. На восемь метров в глубь моря уходила плавучая батарея. Глянешь сверху — как целый остров. 40 на 20 метров размер батареи.

Много хлопот доставляла батарея фашистам. Она не только прикрывала подходы к Севастополю с моря, но и первой начинала огонь по гитлеровским

самолетам, совершавшим налёты на город Фашисты решили уничтожить опасную батарею. Бросили против неё свои самолёты.

— Плавучая!! — усмехаются фашистские лётчики.— Как поплавок на воде. 40 на 20 — отличная цель. Да мы её сразу, в один заход!

Вылетел первый фашистский лётчик. Вот он в воздухе. Вот над морем. Подошёл к батарее: "Ерунда. Пустяки. Я её первой бомбой!"

Развернулся. Ещё развернулся. Лёг на прицельный курс.

Ждут на фашистской базе возвращения самолёта. Не торопится что-то лётчик. Время полёта давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Не возвращается самолёт.

Ясно на базе: недоброе что-то случилось с лётчиком. И верно — недоброе. Сбили его батарейцы. Лежит он отныне на дне морском.

— Я полечу! Я докажу! — просится новый воздушный ас.— Я — сразу! Я — сразу! Да что там! Один заход!

И вот в небе лётчик. Он над морем. Видна батарея.

Торжествует фашист: "Я её — первой бомбой". Разворот. Ещё разворот. Проверил расчёты. Вошёл в пике.

Ждут на базе возвращения самолёта. Время полёта давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Не возвращается что-то воздушный ас.

Ясно на базе: недоброе что-то случилось с лётчиком. И верно — недоброе. Сбили фашиста советские артиллеристы. Рядышком с первым утих он на дне морском.

В небо новые взмыли лётчики — третий, четвёртый, пятый.

— Мы живо! Мы живо! Раз плюнуть — один заход!

Вот море. Видна батарея. Ринулись самолёты на батарею.

Ждут на базе прилёта лётчиков. Время полёта давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Удесятерилось. Не возвращается что-то третий. Не возвращается что-то четвёртый. Не видно, не слышно пятого.

Все 250 дней героической обороны Севастополя стояла на боевом посту плавучая батарея. 26 фашистских самолётов уничтожили за это время советские артиллеристы.

Но не только разили они врагов. Своих под защиту брала батарея. Многим

обязаны мы батарее. "Квадратом смерти" называли её фашисты. "Квадратом жизни" — мы вправе её назвать.

БЕЗ ЗВАНИЯ И НАЗВАНИЯ

Прошёл ноябрь. Наступил декабрь. 17 декабря 1941 года, получив пополнение, фашисты начали второе наступление на Севастополь.

На одном из участков севастопольской обороны фашисты стали продвигаться вперёд. Для отражения вражеского удара сюда был брошен батальон, срочно составленный из черноморских моряков. Пришли матросы прямо с кораблей. В полной морской форме, с полной морской выкладкой — даже скатанные валиком корабельные матрасики принесли. Пошли в окопах слова диковинные: бак, полубак, рында, склянки, швартовы, гюйс. Замелькали кругом бескозырки. Зачернели кругом бушлаты.

Командовать батальоном был назначен майор-пехотинец Касьян Савельевич Шейкин.

Глянул Шейкин: хороши моряки, красивы.

И всё же беспокойство не покидает майора Шейнина. Матрос не пехотинец. Сумеют ли матросы точно бросать гранаты, точно вести стрельбу? А вдруг штыковая атака, а вдруг рукопашный бой? "Эх, хотя бы день иметь для тактических занятий!" — сокрушался майор Шейкин. Однако где же здесь до тактических занятий. Наступают фашисты. Батальон тут же был брошен в бой.

Зря волновался Шейкин. Не подвели матросы сухопутного офицера. Встретили метким огнём фашистов:

— Полундра!

— Полундра!

Забросали врагов гранатами:

— Ну-ка вперёд, голубушка!

— Ну-ка лети, любезная! И снова своё:

— Полундра!

В штыки, как один, ударили.

Перевыполнили матросы даже свою задачу. Не только отбросили фашистов на исходные позиции, то есть туда, откуда враги начали своё наступление, но и сами прорвались вперёд, побывали в фашистских окопах, посеяли страх и

панику.

— "Чёрные дьяволы"!

— "Чёрная смерть"! — кричали опять фашисты. Прославился смелостью батальон. Слава о героях прошла по фронту.

Как отдельная боевая единица батальон просуществовал всего два дня. Выполнил батальон свою боевую задачу, остановил врага, разошлись после этого матросы по разным соседним полкам и ротам. Создавался батальон срочно. Не успели поэтому присвоить ему ни номера, ни дать названия.

Сокрушался майор Шейкин:

— Как же так?! Как же без номера, без названия? Выходит, мол, части такой и вовсе в истории не было.

Зря сокрушался майор Шейкин.

Получил он своё название — морской бесстрашный героический батальон. Хоть и был он без номера, без звания и названия, а знает его история.

ВОЛШЕБНЫЙ КЛИНОК

Декабрь. Не утихают бои с фашистами. Всё так же рвутся враги к Севастополю. Один из наиболее опасных участков севастопольской обороны в эти дни находился в районе за Бельбекской долиной.

Здесь рядом с рекой Бельбек сражались советские конники. Целая дивизия. Но не в конном строю. Мал здесь простор для конницы. Спешились кавалеристы. Дрались как пехотинцы.

Страшной была здесь схватка Особенно 21 декабря. Отражая атаки фашистов, погиб командир полка отважный подполковник Леонид Георгиевич Калужский. Только узнали об этом в дивизии, как новая страшная весть — на поле боя убит командир дивизии полковник Филипп Фёдорович Кудюров.

Бьются советские конники. Сил не хватает, вот-вот не удержатся.

Отражать атаки фашистов кавалеристам помогала зенитная батарея младшего лейтенанта Николая Воробьёва. Ловко сражались зенитчики.

Из своих пушек били по фашистским танкам, по пехоте противника. Стреляли вдаль и прямой наводкой. Разили в цель и отсекали огнем противника - то есть огнём перекрывали фашистам путь.

Восхищались конники меткой стрельбой зенитчиков В знак благодарности

подарили они младшему лейтенанту Воробьёву кавалерийский клинок.

Кто-то сказал:

— Волшебный!

Принял подарок артиллерист. Решает, чем же ответить конникам.

— Залпом, залпом по фашистам,— подсказывают товарищи.

В это время фашисты как раз бросились в новую атаку. Идут как стена, как лава.

Вскинул младший лейтенант Воробьёв клинок.

— Огонь! — рубанул по воздуху.

Ударили зенитки. Метнули в фашистов сталь.

— Огонь! — снова кричит Воробьёв. И вновь клинок к небесам взлетает.

Ещё быстрей теперь заработали артиллеристы. С новой силой бросились в бой и конники.

Отстояли герои свои позиции. Разгромили рвавшихся здесь фашистов.

Смотрит Воробьёв на кавалерийский клинок. Согласен: клинок волшебный.

УЧИТЕЛЬ

До войны солдат Трубников был учителем. Русский язык преподавал в школе.

Под Севастополем Трубников сражался в стрелковой роте. В дни декабрьского наступления фашистов во время одного из боёв во фланг роте ударили две фашистские пушки. Били фашисты точно и большой урон наносили нашим.

Командир роты вызвал к себе группу бойцов. Среди них оказался и Трубников.

Дал командир бойцам боевое задание - подобраться незаметно к фашистским пушкам и заставить их замолчать.

- Заткнуть им глотки! - кратко сказал командир.

— Ясно, — бойцы ответили.

В группе Трубников был за старшего. Взяли бойцы автоматы, патроны,

гранаты. Отправились в путь солдаты.

Перебежками, шагом, ползком, рывком, прижимаясь к земле и скалам, подобрались солдаты к фашистским пушкам. Метнули гранаты автоматный огонь открыли. Перебитой лежит прислуга.

Подбежали солдаты к пушкам:

— Давай гранаты. Достали бойцы гранаты.

— Взрывай их, братцы! На пушки смотрят:

— Заткнём им глотки!

— Минутку. Стойте,—сдержал бойцов Трубников. Повернулись бойцы на голос.

— Зачем же пушкам вдруг быть немыми,— сказал, улыбнувшись солдатам, Трубников. — Научим лучше их русской речи.

Не сразу смекнули бойцы, в чём дело: речь о какой здесь речи? И вдруг поняли. У пушек горы лежат снарядов. Зачем же гибнуть зазря снарядам!

Зарядили солдаты пушки. Развернули солдаты пушки.

— Огонь! — скомандовал Трубников.

Ударили пушки туда — по фашистам. Взорвали округу могучим басом.

За выстрелом первым второй и третий. За третьим четвёртый, шестой, десятый...

— Ну как — по-русски? — кричит Трубников.

— По-русски, по-русски, по-нашенски,— в ответ солдаты. Заговорили по-русски фашистские пушки.

Возвращались солдаты в родную роту. Шагает со всеми Трубников.

— И вправду — учитель,— смеются солдаты.

ПЛЕВРИТ, БРОНХИТ

Севастополь — южный, конечно, город. Однако декабрь есть декабрь. И здесь в декабре морозно.

Оделись бойцы в шинели. В бушлатах своих матросы. Фашисты тоже в зимней

военной форме.

И вдруг... Смотрят бойцы — атакуют фашисты в одних мундирах. Было это 28 декабря 1941 года. Отдан строжайший приказ фашистским солдатам взять в этот день наконец Севастополь.

Смотрят наши бойцы на фашистов, гадают:

— Не навезли им, видать, шинелей. Кто-то вставляет:

— Знают фашисты, жарко им будет в бою. Потому и шинели скинули.

И вот во время одной из атак группа бесшинельных фашистских солдат была взята нашими в плен. Стоят они, сутулятся, жмутся от страха, от ветра, от холода.

Наши бойцы к фашистам:

— Почему без шинелей?

— Не завезли вам, видать, шинелей.

— Из Италии, из Африки, что ли, сюда вы на помощь прибыли?

— Найн, найн,— то есть "нет", — говорят фашисты, — Имеем шинели. Положена каждому.

— Так где же шинели?

— Сдать приказали.

— Как приказали? Зачем приказали?

Оказывается, верно — был отдан такой приказ. Приказали фашистские генералы: сдать солдатам свои шинели.

— Получите в Севастополе,— объяснили фашистские офицеры своим солдатам — и обед, и шинели.

— И обед?

— И шинели?

— Да,— говорят офицеры.— И ордена.

Были уверены фашисты, что их солдаты ворвутся в этот день в Севастополь. Чтобы лучше сражались, отняли у них шинели. Рассмеялись советские бойцы. Смотрят они на фашистов.

— Да пока к Севастополю вы прорвётесь, простуду, чахотку схватите.

— Насморк!

— Кашель!

— Плеврит!

— Бронхит!

И в этот день не прорвались враги в Севастополь. Не помогли шинели.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Задание было необычным. Называлось оно особым. Командир бригады морских пехотинцев полковник Горпищенко так и сказал:

— Задание необычное. Особое.— Потом переспросил: — Понятно?

— Понятно, товарищ полковник,— ответил старшина-пехотинец — старший над группой разведчиков.

Был он вызван к полковнику один. Вернулся к своим товарищам. Выбрал в помощь двоих, сказал:

— Собирайтесь. Задание выпало нам особое. Однако что за особое, пока старшина не говорил.

Дело было под новый, 1942 год. Ясно разведчикам: в такую-то ночь, конечно, задание сверхособое. Идут разведчики за старшиной, переговариваются:

— Может, налёт на фашистский штаб?

— Бери выше,— улыбается старшина.

— Может, в плен генерала схватим?

— Выше, выше,— смеётся старший.

Переправились ночью разведчики на территорию, занятую фашистами, продвинулись вглубь. Идут осторожно, крадучись. Опять разведчики:

— Может, мост, как партизаны, идём взрывать?

— Может, на фашистском аэродроме произведём диверсию? Смотрят на старшего. Улыбается старший.

Ночь. Темнота. Немота. Глухота. Идут в фашистском тылу разведчики. Спускались с кручи. На гору лезли. Вступили в сосновый лес. Крымские сосны вцепились в камни. Запахло приятно хвоей. Детство солдаты вспомнили.

Подошёл старшина к одной из сосенок. Обошёл, посмотрел, даже ветви рукой пощупал.

— Хороша?

— Хороша,— говорят разведчики. Увидел рядом другую.

— Эта лучше?

— Сдаётся, лучше,— кивнули разведчики.

— Пушиста?

— Пушиста.

— Стройна?

— Стройна!

_ Что же — к делу,— сказал старшина. Достал топор и срубил сосенку.— Вот и всё,— произнёс старшина. Взвалил сосенку себе на плечи.— Вот и управились мы с заданием.

— Вот те и на,— вырвалось у разведчиков.

На следующий день разведчики были отпущены в город, на новогоднюю ёлку к детям в детский дошкольный подземный сад.

Стояла сосенка. Стройна. Пушиста. Висят на сосенке шары, гирлянды, разноцветные фонарики горят.

Вы спросите: почему же сосна, не ёлка? Не растут в тех широтах ёлки. Да и для того, чтобы сосенку добыть, надо было к фашистам в тылы пробраться.

Не только здесь, но и на Корабельной стороне, и в Инкермане, да и в других местах Севастополя зажглись в тот нелёгкий год для детей новогодние ёлки.

Видать, не только в бригаде морских пехотинцев у полковника Горпищенко, но и в других частях задание для разведчиков в ту предновогоднюю ночь было особым.

НОЙ АДАМИЯ

Не взяли враги в декабре Севастополь. Провалился и этот штурм. Продолжает сражаться город.

Фашистское орудие било по нашим. Пятеро фашистов здесь при орудии: один заряжает, второй стреляет, двое подносят снаряды, пятый — сам командир орудия.

Стреляет пушка.

— Огонь!

— Огонь!

Снова крикнул фашист:

— Огонь!

Однако не грянул выстрел. Посмотрел командир на пушку. Есть подносчики, есть заряжающий. А где же стреляющий?

Раскинул руки, у пушки лежит стреляющий. Над правой бровью от пули след.

Недолго на войне замешательство. Заряжающий стал стреляющим. Один из подносчиков стал заряжающим.

Снова стреляет пушка.

— Огонь!

— Огонь!

Снова крикнул фашист:

— Огонь!

Однако снова не грянул выстрел. Посмотрел командир на пушку. Есть подносчик. Есть заряжающий. А где же стреляющий?

Раскинул руки, у пушки лежит стреляющий. Над левой бровью от пули след.

Коротко на войне замешательство. Заряжающий стал и стреляющим: сам заряжает и сам стреляет. Снова в работе пушка.

— Огонь!

— Огонь!

Снова кричит офицер:

— Огонь!

Не отозвалась команде пушка. Посмотрел командир на орудие. В живых у пушки остался всего лишь один солдат. Прицелился этот один — последний, приготовился только к выстрелу, как тоже у пушки рухнул. А следом за ним и пятый — сам командир орудия.

Посмотрел из-за укрытия старшина Ной Адамия.

— Порядок! — сказал Адамия. Старшина Ной Адамия был снайпером. Это его работа.

...По извилистой крымской дороге едет фашистская штабная машина с открытым верхом. Пять человек в машине. Четверо из них офицеры. Трое — сзади. Один — впереди. Важно сидит с водителем.

Трое — сзади. В центре — высокий. Ведёт оживлённую он беседу. То — слово к соседу слева, то — слово к соседу справа, то обратится к тому, кто важно сидит впереди с водителем.

Вот снова он повернулся к соседу справа. Глянул — ахнул: качнулся, осел сосед. Понимает высокий: убит сосед. Повернулся быстро к тому, что слева. И этот убит, что слева. Глянул вперёд на того, что важно сидит с водителем. Видит, от пули качнулся важный. Ещё секунда, и носом в баранку ткнулся и сам шофёр.

— А-а-ай! — закричал высокий.

Вильнул автомобиль на крымской лихой дороге. Секунда — и с кручи как камень вниз.

Поднялся из-за придорожных камней снайпер старшина Ной Адамия.

— Порядок! — сказал Адамия.

Бывали дни, когда по десять, двадцать и даже тридцать фашистов сражал из своей винтовки прославленный Ной Адамия. Почти триста фашистов уничтожил Адамия под Севастополем.

За свой ратный подвиг Ной Адамия награждён высшей наградой Родины. Он стал Героем Советского Союза.

"ЕСТЬ И БУДЕТ!"

Разговорились как-то, сидя в окопе, солдаты о том, что у фашистов снарядов

много.

— И мин.

— И бомб.

— И взрывчатки разной.

Действительно, не испытывали фашисты под Севастополем недостатка в боеприпасах.

— Много снарядов, много,— соглашался с другими солдат Реп-ков.— Много. А всё-же — убавить можно.

Солдаты сразу с вопросом:

— Как?

— Можно,— подтверждает Репков. Однако, как же их поубавить, не говорит.

Не терпится солдатам, гадают вопросами:

— Взрывать поезда со снарядами?

— Можно и так,— отвечает Репков.— А можно и по-другому.

— Топить корабли с боеприпасами?

— Можно и корабли на подходах топить,— соглашается Репков._

А можно и по-другому.

— Отбивать у фашистов склады?

— Можно и отбивать. А можно и вовсе иначе,— отвечает опять Репков.

Надоела солдатам загадка Репкова. Отстали они с вопросами.

Ночью Репков исчез из окопа. "Куда бы?", "Зачем бы?" — гадают солдаты. Было это на участке севернее Севастополя. Пробрался солдат в соседний пустой овраг, выбрал склон, обращённый к фашистам. Стал в темноте возиться, что-то таскать к оврагу.

Когда рассвело, посмотрели солдаты, видят: по склону оврага из камней выложено два слова. Читают солдаты эти слова. А слова такие: "Смерть Гитлеру!"

Увидели слова и фашисты. Увидели, открыли ураганный огонь по оврагу.

Грохотали, грохотали пушки. Разбили снаряды надпись.

Сосчитали наши бойцы, сколько снарядов фашисты потратили. Оказалось — 250.

— Ого-го,— покосились они на Репкова.

Ночью Репков снова пошёл к оврагу. Восстановил солдат надпись. Рассвело. Надпись на старом месте.

Снова фашисты огонь открыли. Били, били, ревели пушки. Крошили снаряды надпись. Сосчитали снова наши бойцы, сколько снарядов враги потратили. Оказалось — 300.

Спускается вечер. Снова к оврагу спешит Репков.

— Разоришь ты фашистов,— смеются солдаты.— По миру босыми пустишь.— А сами удаче рады.

Не только здесь, на северной стороне, но и в других местах вокруг Севастополя стали появляться из камня надписи. Расстреливали их фашисты из пушек, бомбили с воздуха. Однако надписи вновь восстанавливались.

Одна из них была особенно ненавистна фашистам. Была она выложена огромными трёхметровыми буквами в самом городе на крутом склоне Исторического бульвара. Далеко виднелась и с земли и с воздуха эта надпись. Вот её слова: "Севастополь был, есть и будет советским!" Верная очень надпись.

ВЫХОДНОЕ ПЛАТЬЕ

Было это ещё до начала войны с фашистами. Кате Извековой подарили родители новое платье. Платье нарядное, шёлковое, выходное.

Не успела Катя обновить подарок. Грянула война. Осталось платье висеть в шкафу. Думала Катя: завершится война, вот и наденет она своё выходное платье.

Фашистские самолёты не переставая бомбили с воздуха Севастополь.

Под землю, в скалы ушёл Севастополь.

Военные склады, штабы, школы, детские сады, госпитали, ремонтные мастерские, даже кинотеатр, даже парикмахерские — всё это врезалось в камни, в горы.

Под землёй организовали севастопольцы и два военных завода.

На одном из них и стала работать Катя Извекова. Завод выпускал миномёты, мины, гранаты. Затем начал осваивать производство авиационных бомб для севастопольских лётчиков.

Всё нашлось в Севастополе для такого производства: и взрывчатка, и металл для корпуса, даже нашлись взрыватели. Нет лишь одного. Порох, с помощью которого подрывались бомбы, должен был засыпаться в мешочки, сшитые из натурального шёлка.

Стали разыскивать шёлк для мешочков. Обратились на различные склады.

На один:

— Нет натурального шёлка. На второй:

— Нет натурального шёлка. Ходили на третий, четвёртый, пятый. Нет нигде натурального шёлка.

И вдруг... Является Катя. Спрашивают у Кати:

— Ну что — нашла?

— Нашла,— отвечает Катя. Верно, в руках у девушки свёрток.

Развернули Катин свёрток. Смотрят: в свёртке — платье. То самое. Выходное. Из натурального шёлка.

— Вот так Катя!

— Спасибо, Катя!

Разрезали на заводе Катино платье. Сшили мешочки. Засыпали порох. Вложили мешочки в бомбы. Отправили бомбы к лётчикам на аэродром.

Вслед за Катей и другие работницы принесли на завод свои выходные платья. Нет теперь перебоев в работе завода. За бомбой готова бомба.

Поднимаются лётчики в небо. Точно бомбы ложатся в цель.

ПТИЦУ В ПОЛЁТЕ СХВАТЯТ

Разведчики. Здесь, под Севастополем, много их, лихих и отважных. Если надо — со дна морского иглу достанут, птицу в полёте руками схватят.

Разведчики, матросы Ноздрачёв, Поляков и Митрохин, получили задание пленить штабного фашистского офицера. Советским командирам надо было

срочно узнать о последних фашистских приказах.

Отправились в путь разведчики. Сидели в засадах, выходили к Дорогам. Не попадается им офицер из штаба.

Подумал Ноздрачёв: "Где лучше всего искать штабного офицера?" И тут же себе ответил: "Конечно, в самом же фашистском штабе".

Обратился к друзьям по разведке:

— А что, если к фашистам в штаб?

— Ну что же,— сказал Поляков.

— Рискнём,— поддержал Митрохин.

Дождались разведчики ночи. Подкрались к фашистскому штабу Осторожно, без шума убрали охрану. Тихо, пустынно в штабе. Дежурный офицер, развалившись на стуле, дремлет. Вот она спит, удача! Сейф железный стоит в углу. Вот они где, приказы!

— Гутен морген, с добрым утром! — толкнул Ноздрачёв фашистского офицера.

Открыл тот глаза. Не понял, в чём дело.

"Гутен морген",— хотел сказать. Вдруг видит — люди в советской военной форме.

— Руки вверх! — прокричал Ноздрачёв.

Заморгал офицер глазами. Отскочила, словно чужая, челюсть.

— Руки вверх! — повторил Ноздрачёв.

Рванулся офицер к пистолету. Но в ту же секунду разведчики скрутили фашисту руки. Довольны матросы. В руках добыча.

Показал Ноздрачёв офицеру на сейф. Потребовал ключ у фашиста.

Заикается тот, отвечает: мол, нет ключа, у начальства ключ.

Проверили разведчики у офицера карманы. Верно, нет у него ключа.

Как же быть? Может, гранатой сейф подорвать? Может, попробовать стукнуть ломом?

— Не то, не то,— понимает Ноздрачёв. Смерть для разведчика, если — с шумом.

Жаль уходить, не открывши сейф. Ясно: именно там приказы.

Посмотрел Ноздрачёв на Митрохина, на Полякова. Подошёл к железу. Плечом попробовал. Поднажал. Сейф тяжёлый. Однако сдвинулся. Поманил Ноздрачёв Полякова, Митрохина:

— А ну с огоньком, ребята.

Подхватили матросы сейф. Потащили, кряхтя под ношей.

— Вперёд! — скомандовал Ноздрачёв фашистскому офицеру.

Тащили, тащили металл солдаты, а затем решили: пусть-ка добычу фашист несёт. Взвалили тяжесть ему на плечи. Помогают, конечно, и сами. Сейф тяжёлый, фашист пыхтит.

— Выше голову, выше. Шаг шире,— командует Ноздрачёв. Так и явились они к своим.

— "Язык" с "приданым", "язык" с "приданым",— смеялись, встречая бойцов, солдаты.

Не зря тащили разведчики сейф, молодцы, что в пути не бросили. Когда вскрыли, оказалось — важнейшие в нём бумаги.

Смел, находчив матрос Ноздрачёв. Да не только Ноздрачёв. Под Севастополем много лихих разведчиков. Волончук, Калинин, Филин, бесстрашная девушка Ольга Химич... Поручай им любое задание. Надо — птицу в полёте руками схватят. Надо — с неба ночную звезду достанут.

ИВАН ГОЛУБЕЦ

Дальнобойная фашистская артиллерия стреляла по Севастополю. Один из снарядов пронёсся над Стрелецкой бухтой, упал и разорвался на палубе сторожевого катера. Осколок снаряда пробил бензиновый бак. Вспыхнул пожар на катере.

Не один этот катер стоял в это время в Стрелецкой бухте. Рядом — другие военные корабли.

Страшен, конечно, пожар на катере: Но ещё страшнее было другое. На сторожевом катере находились глубинные бомбы. Взорвутся бомбы. Разнесут не только сам катер, но и стоящие рядом военные корабли и военные объекты на берегу.

Первым пожар на катере заметил старший матрос комсомолец Иван Голубец.

"Немедленно сбросить в море бомбы, сбросить глубинные бомбы",— заработала тревожная мысль у матроса.

Сбросить бомбы — это значит нажать на рычаги, и сбрасыватели сами, быстро и без твоих усилий освободят катер от опасного груза.

Сбросить бомбы дело одной минуты.

Бросился Голубец на катер. Пробился сквозь огонь. Подбежал к рычагам сбрасывателей. Ухватился. Нажал. Вот сейчас рухнут бомбы.

Не сдвинулись бомбы. Лежат на месте.

Ещё сильнее потянул за рычаги Голубец. Напрягся в три человеческих силы.

Бомбы лежат на месте.

Ясно теперь Голубцу: повреждены от взрыва на катере бомбосбрасыватели.

Сильнее, сильнее пожар на катере.

— Беги, беги,— что-то шепнуло матросу.

— Останься,— что-то затем сказало.

Остался Иван Голубец на палубе. Подбежал он к одной из глубинных бомб. Схватил, поднатужился. Дотащил до борта. Рухнула бомба в воду.

Бросился к новой бомбе. Вот и эта летит за борт.

Бомбы на катере разных размеров. Выбирает Голубец те из них, которые больше других, крупнее других, опаснее.

К третьей бомбе спешит матрос, к пятой, седьмой, десятой.

Всё ближе, всё ближе к матросу пламя. Накалился, как печка, как домна, катер.

— Быстрее, быстрее,— торопит себя Голубец.

Вот последние бомбы лежат на катере. Минута, вторая — и эти Уйдут за борт.

Схватился Иван Голубец за новую бомбу. Поднял, и в это время грянул на катере взрыв. Эхом, как плачем, ответила бухта.

Погиб комсомолец Иван Голубец.

Погиб, однако успел сбросить в море самые крупные, самые опасные бомбы, уберёг от взрыва соседние корабли и военные объекты на берегу.

В Севастополе, там, у моря, в Стрелецкой бухте, нынче — памятник Голубцу.

НОВОЕ ОРУЖИЕ

Двести дней уже держится Севастополь.

На одном из участков Севастопольской обороны наши позиции проходили по Телеграфной горе. Справа и слева наши, внизу под горой фашисты. Хорошее место для обороны: скалы кругом, вершина с крутыми склонами.

Одно неудобство: фашисты всё время обстреливают высоту. Откуда ведут огонь — не всегда известно. Не знают наши, куда ответить. Скрыли, замаскировали фашисты свои огневые точки. Ходят в тылы разведчики. Да и тут не всегда удача.

Среди защитников Телеграфной горы был старший лейтенант Алиев. Командовал Алиев стрелковой ротой.

— Узнаем, где огневые точки,— как-то сказал артиллеристам Алиев.

Смеются артиллеристы, не очень верят:

— Давай, давай, помогай, пехота.

Раскрыли пехотинцы огневые точки врага. Вот как случилось это.

Была ночь. Сидят под горой фашисты. Смотрят на гору, следят за склонами. Притихла кругом стрельба. И всё же даже ночью нет на войне покоя. То там огонь. То здесь огонь. Ползут зловеще ночные шорохи.

Смотрят фашисты на гору, на тёмное небо, на звёзды, и вдруг вспыхнуло что-то там на вершине. Метнулось пожаром. Огненным шаром обрушилось вниз. Несётся с вершины огонь, как лава. Грохот громом разит округу.

Всё ниже, всё ниже поток смертельный. Заметались фашисты. Бегут из окопов.

— Оружие — новое!

— Новое!

— Новое!

Докатился огонь до основы горы, сюда к самым фашистским траншеям.

Раздался взрыв. Брызнул огонь в окопы горящей пеной.

Замерло всё у фашистов. Прошла минута, и вот открыли по Телеграфной горе фашисты стрельбу изо всех орудий.

А нашим только того и надо. Засекли советские наблюдатели вражеские батареи.

Что же придумал такое Алиев?

Всё просто. Несложно. Нужна лишь гора для этого.

Приказал он солдатам притащить на вершину горы железную бочку.

Притащили.

Приказал начинить её порохом.

Начинили.

Приказал обмотать бочку бикфордовым шнуром.

Обмотали.

Распорядился облить бензином.

Облили.

— Поджигай! — скомандовал Алиев. Подожгли.

— Толкай с горы!

Помчалась вниз она огненным шаром.

Нескоро забыли фашисты взрыв. Никто не верил, что это бочка.

— Оружие — новое!

— Новое!

— Новое! — долго шептались ещё фашисты.

РЫБА СЕВАСТОПОЛЬСКОГО УЛОВА

Море рядом с Севастополем у Херсонеса, Качи и Балаклавы богато кефалью. Кефаль рыба вкусная.

Севастопольские рыбаки с давних пор славились богатыми уловами.

Оборвались теперь уловы. Море у Севастополя стало районом военных действий.

Всюду на море мины — наши, фашистские. Всюду — огонь по морю. Запретили рыбакам отплывать от берега. Даже кто-то из расторопных военных хозяйственников приспособил рыбацкие сети для маскировки своих хозяйственных складов.

Возмутились севастопольские рыбаки:

— Сети — для складов!

— Нас — как в ловушку! Отвечают хозяйственники:

— Всё равно вас в море никто под огонь не выпустит.

Однако севастопольские рыбаки издавна были людьми упорными. Обратились они к командующему Приморской армией, оборонявшей Севастополь, генералу Ивану Ефимовичу Петрову.

— Война же,— сказал Петров.

— Понятно,— отвечают рыбаки.

— Там же мины,— сказал Петров.

— А мы между минами,— отвечают севастопольские рыбаки.

— Там же огонь. И наши стреляют. И фашисты стреляют.

— А мы между стрельбами,— отвечают с хитринкой севастопольские рыбаки.

Уговорили они Петрова. Дал генерал им своё согласие. Вернули рыбакам рыбацкие сети.

Атаковали теперь рыбаки командующего Черноморским военным флотом адмирала Филиппа Сергеевича Октябрьского.

— Война же,— сказал Октябрьский.

— Понятно,— отвечают рыбаки.

— Там же мины,— сказал Октябрьский.

— А мы между минами,— опять о своём севастопольские рыбаки.

— Там же огонь. Сильнейший огонь,— говорит Октябрьский.

— А мы между стрельбами.

Уговорили всё же они и Октябрьского. Дал адмирал разрешение. Стали морские сторожевые посты выпускать рыбаков на рыбную ловлю в море.

Непростой оказалась ловля. Начали фашистские лётчики охотиться за советскими рыбаками. Выйдут рыбацкие лодки в море. Появляются в небе фашисты-стервятники.

Но не боялись севастопольские рыбаки этих воздушных пиратских атак. Знали: нужна Севастополю рыба.

Часто на помощь рыбакам приходили советские лётчики.

Тянут рыбаки на море свои сети, а в это время в воздухе над этим местом баражируют, то есть кружат, советские самолёты, не подпускают фашистов к рыбацким лодкам.

Приметили в Севастополе: если над морем у Качи, у Херсонеса, у Балаклавы висят самолёты, значит, там рыбаки, значит, будет в городе свежая рыба — рыба нелёгкого севастопольского улова.

ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Севастополь — удивительный город. Рядом идёт война. Каждый день бомбят фашисты, обстреливают город, а город не только воюет — работает, учится. Даже, как в мирные дни, улицы подметают в городе. На бульварах цветы высаживают.

— Цветы? Подождут цветы!

— Нет! — отвечают в городе.

Апрель. Зацвело, зазеленело кругом в Севастополе. Затрепетало весной и нежностью.

Дивизионный комиссар Иван Филиппович Чухнов — член Военного совета Приморской армии — в один из весенних дней 1942 года выехал к бойцам на передовую. Приехал. А тут авиационный налёт. Отбомбились фашисты, а затем полетели с неба листовки. Сбрасывали фашисты такие листовки на наши передовые позиции и раньше. Чего они в них только не писали! Вот и в тех, которые были сейчас у комиссара Чухнова.

"Севастополь снесён с лица земли",— читает комиссар в одной из листовок. "Севастополь пуст и мёртв",— читает в другой листовке. "Защищать в

Севастополе больше некого",— читает комиссар в третьей. Врали фашисты в своих листовках. Пытались на наших солдат воздействовать.

Посмотрел Чухнов на листовки. Повертел их и так и этак. Покачал головой. Про себя ругнулся. Потом посмотрел на солдат. Ожидает, что же солдаты скажут.

— Бросают,— сказали солдаты.

— Читаем,— сказали солдаты.

— Брехня! — заявили солдаты. Засмеялся Чухнов:

— Брехня?

— Так точно, товарищ дивизионный комиссар. Как же так: "Защищать в Севастополе больше некого", как же так: "Севастополь мёртв"? А у нас вот другие данные.

И тут же один из солдат к Чухнову:

— Товарищ дивизионный комиссар, просим вас на минуту зайти к нам в землянку.

Направился Чухнов к землянке. Пригнулся слегка при входе. Перешагнул порог. Выпрямился. Глянул. Да так и застыл у порога. В землянке на простом, сколоченном из досок столе стояла большая орудийная гильза.

А в гильзе... А в гильзе... В гильзе стояли цветы. Розы. Майские. Пышные. Алые.

— Розы,— проговорил комиссар. Подошёл. Всё как-то не веря, что это розы, потрогал, понюхал.— Розы!

— Из Севастополя,— кто-то сказал из солдат.

— С Приморского бульвара,— сказал, уточнив, второй.

— От наших шефов,— добавил третий.

Оказалось, что шефы — девушки, комсомолки из севастопольской пошивочной мастерской.

Посмотрел Чухнов ещё раз на розы:

— Значит, жив, не разбит Севастополь. Доказательство, вижу, у вас убедительное.

— Вещественное,— кто-то сказал из бойцов.

"КРОКОДИЛ"

Откуда её раздобыли — толком никто не знал. Одни уверяли: было это ещё до Крыма. Другие: уже в Крыму. Мол, подобрали на крымских дорогах. Лежала она на боку в кювете. Оттуда сюда в Севастополь и притащили машину волоком.

Автомашина марки "ЗИС-101" была не частым в те годы явлением. Лучшей считалась маркой. Мотор у машины мощный.. Кузов вместительный, длинный. Отличный ход. Отремонтировали, восстановили черноморцы автомашину. Маскировочной краской покрыли — в зелёный и чёрный цвет.

Как крокодил, получилась на вид машина. "Крокодилом" её и прозвали.

Попал "крокодил" в бригаду морских пехотинцев к полковнику Евгению Ивановичу Жидилову, стал он затем генералом.

Не знал усталости "крокодил". Носился по батальонам, по ротам, то в штаб, то из штаба, то к начальству, то от начальства, то в Севастополь в тыловые части бригады, то на командный пункт.

Привык "крокодил" к бригаде. И в бригаде как свой пришёлся. Полюбили его солдаты:

— Привет, "крокодил"!

— Как дела, "крокодил"?

— Что там нового слышно в штабе?

Оказалась машина на редкость выносливой. А главное, был "крокодил" удачливым. Фашистские самолёты за ним гонялись. Открывали огонь фашистские миномётчики. Не вспомнишь здесь всех историй. Как-то зимой застрял "крокодил" в снегу. Сразу же появился фашистский лётчик. Не уйдёшь, "крокодил"! В руках "крокодил"! Стал лётчик делать над машиной боевые заходы, бросал бомбы, входил в пике. Патроны все до единого расстрелял. Цел "крокодил", как новенький. Хоть бы одна царапина.

Затем, по весне, снова застрял "крокодил". Распутица. Буксует машина. Ни с места. Схватила колёса весенняя хлябь. Взяла машину в прицел фашистская артиллерия. Открыли пушки по ней огонь. Укрылись Жидилов и шофёр рядом в глубоком окопе. Машина, словно на полигоне, стоит на открытом месте.

Солдаты, что были в окопе, считают взрывы. Считает шофер. Считает и сам Жидилов. Десять, двадцать, сорок, сорок четыре. Сорок четыре снаряда, и все

в "крокодила". Прощай, боевой товарищ.

Стих огонь. Поднялись бойцы из окопа. Смотрят — глазам не верят. Цел, невредим "крокодил" — хоть бы одна занозина.

Бывало, конечно, всякое. Война есть война. Боец есть боец И "крокодил" получал ранения. Ходил в "повязках", ложился в "госпиталь". Вновь автомобильные мастера поднимали машину к жизни.

Честно нёс службу свою "крокодил". Как равный в строю отважных.

Не стало его случайно. Погиб от фашистской бомбы. Стоял у штаба. Дремал без дела. Ударила бомба прямым попаданием. Был "крокодил" и нет.

Не скоро забыли бойцы машину. Часто вспоминали отважный "ЗИС". Так и во всем бывает. Честно прошёл по жизни — долго хранится след.

УЛИЦА ПЬЯНЗИНА

Июнь 1942 года. Фашисты начали новое, третье по счёту, самое мощное наступление на Севастополь.

Свой главный удар враги направили на северную часть города.

Днём и ночью здесь грохотали пушки. Не щадили фашисты своих солдат.

На одном из участков фашистского наступления у станции Мекензиевые Горы в обороне стояли артиллеристы-зенитчики под командованием старшего лейтенанта Ивана Семёновича Пьянзина. На них и на их соседей по обороне и обрушился грозный удар врага.

Не пробилась сюда пехота. Бросили фашисты в наступление танки и самолёты.

— Земля! — кричал Пьянзин.

Это значило: атакуют зенитчиков танки. Опускали пушечные стволы зенитчики. Начинали стрелять по танкам.

— Воздух! — кричал Пьянзин.

Поднимали в небо стволы зенитчики, отражали атаки фашистских самолётов.

— Земля!

— Воздух!

— Земля!

— Воздух!

— Земля!

— Воздух!

Несколько дней не утихали эти команды над полем боя. Артиллеристы сражались до тех пор, пока хватило сил и снарядов. Выходили из строя пушки. Таяли люди на батарее. Осталось восемь бойцов. Осталось шесть.

Враги обошли батарею. Замкнули кольцо вокруг зенитчиков. Живым на батарее остался один лишь Пьянзин. Он был ранен, но из автомата отстреливался от врагов. Всё ближе, ближе к нему фашисты. Где же та сила, чтобы ударить опять по фашистам?! Есть эта сила.

Схватил Пьянзин микрофон от рации. Полетели в эфир слова:

- Прошу открыть огонь... Прошу открыть огонь... Мои координаты...

Мои координаты...

Взревели советские пушки. Накрыли огнём фашистов Прошли годы. Ныне в городе Севастополе имеется улица Пьянзина.

Будешь в городе Севастополе, памяти Пьянзина поклонись.

"КАРЛ" И "ДОРА"

Рвутся фашисты к городу. Обрушили на Севастополь горы огня и стали.

Отбомбились, отстрелялись, отшвырялись огнём фашисты. Выпал крохотный перерыв. Подняли солдаты головы. Глянули из окопа. Что-то лежит огромное.

— Так это снаряд, братишки.

Действительно, перед окопом лежал неразорвавшийся фашистский снаряд. Такого солдаты ещё не видели. Два метра длина снаряда. Поднять пытались его солдаты. Кряхтели. Потели. Лежит, не сдвинулся.

Прибыли специалисты. Осмотрели. Измерили.

— Всё ясно,— бойцам сказали.

— Что ясно?!

— Это снаряд от гаубицы "Карл",— объясняют солдатам специалисты.— Больше тонны весит такой снаряд.

— Больше тонны! — поражались солдаты.— Вот бы. такой бабахнул!

Уехали специалисты.

Прибыл вскоре к солдатам в окоп дружок-артиллерист из соседней части. Рассказали ему солдаты про снаряд и про "Карла".

— Вот бы такой — бабахнул!

— Ах, "Карл"? — усмехнулся артиллерист.— Это ещё игрушка.

— Вот так игрушка,— смутились солдаты.

Рассказал сосед, что, помимо "Карла", собираются фашисты привезти в Крым, сюда под Севастополь, и огромную пушку "Дору".

— Ствол у "Доры" длиной в тридцать метров,— объясняет артиллерист.

— Батюшки, тридцать метров)

— Лафет достигает высоты трёхэтажного дома.

— Трёхэтажного дома!

— У орудия — пятьсот человек прислуги.

— Пятьсот человек прислуги!

— Вот это да! — вырвался общий вздох.

Прошла минута первого изумления. Подивились солдаты, узнав про "Дору". И тут же солдатский вывод:

— Значит, несладко, видать, фашистам. Кто-то сказал серьёзно:

— Не помогут фашистам ни "Карл", ни "Дора". Кто-то сказал с улыбкой:

— Плакали "Карл" и "Дора". Кто-то сказал уверенно:

— А всё же наша возьмёт над фашистами. Нам отмечать победу!

— Верно,— соглашается артиллерист.

Так и случилось оно потом. Только не сразу. Не в это время.

ТРИ ТАНКА

Места под Севастополем неровные, каменистые. Даже от танка укрыться можно. Стань за скалу, спрыгни в овраг — ты и не виден танку.

Приметил это ефрейтор Линник. Бросил друзьям:

— Танк подорву. На уду поймаю.

— Как на уду?! — поразились друзья.— Танк не карась, не жерех.

— Жерех,— смеётся Линник.— Поймаю,— твердит друзьям.— Даже насадку уже имею.

И правда, поймал на "насадку" ефрейтор Линник фашистский танк. Противотанковой миной была "насадка".

Привязал Линник к мине длинную верёвку. Уложил мину на участке, где предполагалась атака фашистских танков. Протянул верёвку к большому камню. Улёгся за камень, держит в руках верёвку.

Пошли фашистские танки. Стал подтягивать Линник к себе верёвку. Рядом в окопе сидят друзья. Видят: задвигалась по земле противотанковая мина.

— Шевельнулась!

— Смотри, ползёт!

— Зашагала, гляди, красавица!

Подтянет Линник слегка верёвку. Остановится. Снова подтянет. Всё старается так, чтобы под фашистский танк подошла мина. Подтянул наконец — под фашистский танк. Взлетела от взрыва машина в воздух.

— Поймал! Поймал! — закричали в окопе товарищи. Оказалось, что ефрейтор Линник приготовил и вторую верёвку

с миной.

Ухватился теперь за вторую верёвку. Сдвинулась мина. И снова солдаты:

— Шевельнулась!

— Смотри, пошла!

— Зашагала, гляди, красавица!

Подвёл ефрейтор Линник и эту мину под неприятельский танк. И эта машина взлетела в воздух.

— Эка ж осетров подцепил,— шутили над ним товарищи.

В этом же бою ефрейтор Павел Дмитриевич Линник уничтожил и третий фашистский танк.

Не один только Линник в июльских боях под Севастополем удачно применял "живые" мины против фашистских танков. Нашлись и другие. Заметный урон нанесли смельчаки фашистам.

Пробьётся на небе едва рассвет — к месту "лова" спешат "рыболовы".

БОГАТЫРСКИЕ ФАМИЛИИ

Отличившихся воинов представляли к наградам. Штаб. Два офицера. Младший по званию. Старший по званию. Младший зачитывает наградные листы, называет фамилию отличившегося, докладывает старшему, за что и к какой представлен боец награде.

Чётко идёт работа:

— Найда.

— Кахаров,

— Кули-заде.

Приятно офицерам читать о героях:

— Беспалов.

— Каралов.

— Омаров.

— Дзесов.

Читая одну из бумаг, чуть задержался младший.

— Ну что там? — поторопил его старший.

— Вот молодец. Вот молодец,— восхищается младший.

— Кто же?

— Герой! Орёл!

— Кто же?!

— Богатырь,— откликается офицер.

— Фамилия как?

— Богатырь,— опять о своём офицер. Поднял старший начальник глаза на младшего:

— Фамилия?

— Иван Богатырь,— улыбается офицер. Посмотрел недоверчиво старший на младшего.

— Иван Богатырь,— повторяет младший и тянет бумагу старшему. Действительно, под Севастополем сражался Иван Богатырь. Был он ефрейтором. Был пулемётчиком. Оставшись один в окопе, он принял неравный бой с фашистами. Герой был ранен в голову, контужен, затем ранен в правую руку, но продолжал сражаться. Пять часов до прихода помощи удерживал Иван Богатырь свою позицию. Когда подсчитали число фашистов, которых уничтожил в этом бою Иван Богатырь, их оказалось более ста. Прочитал старший офицер наградной лист о подвиге Ивана Богатыря.

— Герой! Орёл! — согласился офицер.

Потом полистал другие бумаги. Прочитал про другие подвиги. Глазами прошёл по фамилиям. Читает: Линник, Главацкий, Гахокидзе, Байда, Умеркин, Спирин...

— Молодцы, молодцы,— произносил офицер.

Пулемётчик Иван Иванович Богатырь, пехотинец ефрейтор Павел Дмитриевич Линник, политрук роты Георгий Константинович Главацкий, политрук другой роты Михаил Леванович Гахокидзе, старший сержант разведчица Мария Карповна Байда, артиллерист младший лейтенант Абдулхак Умеркин, пехотинец старший лейтенант Николай Иванович Спирин — все они были воистину богатырями. Все они, а вместе с ними и многие другие за свои подвиги, совершённые при защите Севастополя, стали Героями Советского Союза.

Вновь посмотрел офицер на фамилии:

— Нет здесь простых. Богатырские все фамилии.

В СЕВАСТОПОЛЕ ЖДАЛИ "ГРУЗИЮ"

Война есть война. Неизбежны в боях потери. Понесли урон и корабли Черноморского флота. Погиб теплоход "Абхазия", погибли эскадренные миноносцы "Свободный" и "Безупречный". Был потоплен фашистами транспорт "Белосток". Вышел из строя огромный, самый крупный из кораблей Черноморского флота транспорт "Ташкент".

Все эти суда перевозили в осаждённый Севастополь вооружение и боеприпасы. Всё меньше и меньше снарядов, патронов, мин попадает теперь к защитникам Севастополя.

В Севастополе ждали "Грузию". Транспорт "Грузия" шёл с Кавказа. Вёз снаряды, мины, патроны, пулемётные ленты, авиационные бомбы.

Все ожидают "Грузию".

Довольны артиллеристы. Поступят снаряды.

Довольны лётчики. Прибудут бомбы.

Довольны миномётчики. Мины придут на "Грузии".

Довольны пулемётчики. Будут у них патроны.

Морские пехотинцы, просто пехотинцы, бойцы всех частей и войск ждут не дождутся "Грузию".

Прибыла "Грузия". С трудом пробилась она к Севастополю. Шла осторожно, минуя мины. Отбивалась в пути от фашистских самолётов. Пострадала от рядом упавших бомб. Была повреждена, потеряла ход. Но всё же пришла.

Вошла "Грузия" в Севастопольскую бухту. Причалила.

— Ура! — вырвался вздох облегчения.

И вдруг... Налетели снова фашистские самолёты. Устремились на транспорт, как коршуны. Потопили фашисты "Грузию". Прямо здесь, в Севастополе, в Южной бухте, у всех на виду.

Доложили фашистам фашистские лётчики: "Уничтожен советский транспорт. Боеприпасы для Севастополя уничтожены".

Известие о тяжёлой потере пришло и к нашим войскам. Погибла "Грузия", погибли боеприпасы.

И вдруг!

Приходят машины к артиллеристам:

— Принимай, пушкари, снаряды. Приходят машины к лётчикам;.

— Небеса, принимайте бомбы. Приходят машины к миномётчикам:

— Принимайте, считайте мины.

Патроны идут к пулемётчикам, идут к пехотинцам, к бойцам всех частей и войск.

— Откуда?!

— Откуда?! —общий у всех вопрос.

— Оттуда,— отвечают бойцам снабженцы. И уточняют: — Со дна морского.

— Как так со дна морского?! Что ещё за сказки плетут снабженцы! Однако всё верно — правы снабженцы. Оказалось, организовали флотские интенданты бригады ныряльщиков. Ныряли отважные на глубину. Пробрались в корабельные трюмы. По снаряду, по мине извлекли смельчаки из трюмов "Грузии" боеприпасы. Подняли ящики с паторонами.

Поступают боеприпасы к защитникам Севастополя. Сражается город. Ведёт огонь.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАВЕЛИН

Северная часть Севастополя. Выход из бухты. Начало моря. Здесь у моря поднялась крепость. Это Константиновский равелин.

Любой корабль, входя в Севастополь, не обойдёт, не минует Константиновский равелин. Не минуешь его и при выходе. Константиновский равелин как страж, как часовой у ворот Севастополя.

1942 год. Июнь. Всё сильнее фашистский удар на севере. Наступают фашисты. Вводят новые силы. Всё труднее, труднее нашим. Прорвались фашисты с севера. Овладели Северной стороной. Вышли к бухте, к морскому берегу. Лишь равелин дерётся.

Вместе со всеми в бою комиссар равелина Иван Кулинич. Азартен в бою Кулинич. Вот он стоит на виду у моря. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Сражается равелин. Волком вцепились в него фашисты. Снаряды, как молот, дробят округу.

Не сдаётся Константиновский равелин.

Бомбят равелин самолёты. Танки в стены чуть ли не лбами бьют.

Всё меньше и меньше в живых героев. И всё же стоят герои. Прикрывают отход своих. В эти дни корабли Черноморского флота вывозили из города раненых. Сдать равелин фашистам — значит отрезать нашим судам путь из бухты в открытое море. Удержались герои до нужного срока. Не подпустили фашистов к берегу. Ушли без потерь корабли из бухты.

Ушли корабли. Опустела бухта. Долг до конца исполнен. Прибыл теперь приказ, чтобы и сами герои покинули равелин. Простились матросы с крепостью. Все ушли. Лишь один остался — комиссар равелина Иван Кулинич. Взорвать равелин, уничтожить запас снарядов — с этой целью и задержался теперь Кулинич. Отправил минёров:

— Я - сам! Я - сам!

Вот он стоит на виду у неба. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Вновь атакуют фашисты крепость. Не отвечает фашистам крепость. Осмелели фашисты:

— Форвертс! Вперёд!

Ворвались фашисты в крепость. Видят — стоит комиссар. Китель моряцкий в дыму, в ожогах...

— Комиссар?!

— Комиссар!

Устремились к нему фашисты. Рты исказились в победном крике. Несутся фашисты. Предпоследний, последний шаг.

— Получайте,— тихо сказал Кулинич. Повернул механизм подрывной машины.

И в ту же секунду поднял землю страшенный взрыв. Взлетели фашисты к небу.

Погиб комиссар Кулинич.

Мстили фашисты потом равелину, хотели сровнять с землёй. Шипели мины. Рвались запалы. Но он стоял. Вскипало море. Гудели скалы. Но он стоял.

То кровь героев скрепила стены. То подвиг смелых жил в этих

стенах.

Он и нынче стоит у моря — страницей славы, страницей боли — Константиновский равелин.

"ВСЕ ЗДЕСЬ!"

Наступили самые трудные дни Севастополя. Кончались боеприпасы. Кончались силы.

Командир бригады морских пехотинцев генерал-майор Евгений Иванович Жидилов и комиссар бригады Александр Митрофанович Ищенко направлялись к Хомутовой балке. Здесь сражалась одна из советских артиллерийских батарей.

Бегут под огнём советские командиры. Слышат, как отвечает фашистам советская батарея.

— Молодцы артиллеристы! — сказал генерал Жидилов.

— Орлы! — подтвердил комиссар Ищенко.

Вышли командиры к открытой площадке. Смотрят — не видят пока саму батарею. Замаскировались артиллеристы. Зато видят командиры место, куда несутся наши снаряды. Точно ложатся взрывы. Ударяют в ряды фашистов.

— Молодцы! — не сдержался теперь комиссар Ищенко.

— Орлы! — поддержал комиссара комбриг Жидилов.

Ещё минута, вторая. Кустами, овражком, снова открытым местом пробежали командир и комиссар. Вот тут совсем рядом Хомутовая балка, рядом совсем батарея.

Вышли командиры к её позициям. Вот они, наши пушки, наши орлы-артиллеристы.

Смотрят командир и комиссар: из четырёх пушек на батарее уцелела одна-единственная. И у этой одной-единственной находится один-единственный артиллерист-матрос.

Лицо у матроса суровое. Ворот флотской рубахи порван. Бескозырка чудом держится на затылке.

За снарядом посылает снаряд матрос. Словно прирос к орудию. Даже, кажется, не замечает, что явились сюда командиры.

Шагнул генерал Жидилов к артиллеристу:

— Где остальные?

— Здесь,— ответил матрос.

Посмотрел командир, посмотрел комиссар — нигде никого не видно. Неужели отступили, отошли без приказа?

— Где остальные? — повысил- голос, почти закричал генерал Жидилов.

— Все здесь,— повторил артиллерист.— Никто не ушёл... Комиссар Ищенко тронул генерала за руку, показал на стоящие рядом разбитые пушки.

Посмотрел генерал и только теперь обратил внимание на то, что рядом с пушками, у их колёс, лежали люди. Это были матросы, боевые товарищи артиллериста. Все они погибли.

— Никто не ушёл. Все здесь,— тихо повторил артиллерист. И снова припал к орудию.

Тогда в разгар боя ни генерал Жидилов, ни комиссар Ищенко не успели узнать фамилию отважного артиллериста. Фашисты рвались на позиции советской батареи. Генерал Жидилов и комиссар Ищенко сами вступили в бой.

Известна ныне фамилия героя. Им был черноморский матрос Коваленко Иван Захарович.

БЕЗУПРЕЧНЫЙ

В сухопутную роту попал матрос. Был зачислен как пополнение. Спрыгнул матрос в солдатский окоп:

— Как у вас тут, братишки, в трюме? Это окоп окрестил он трюмом.

Переглянулись солдаты. Окоп как окоп. Хороший окоп — ничего не скажешь.

Занял матрос ячейку в окопе:

— Ну что ж — неплоха каюта.

Как повелось, к новичку вопросы: откуда прибыл, как звать, какова фамилия?

Объяснил матрос, что эсминец его погиб. Про имя сказал — Иван. Про фамилию — повёл пальцем у бескозырки. Там по околышку шла лента. На ленте было написано "Безупречный".

Прочли солдаты:

— Фамилия? — Так точно.

— Да ну?! — поразились солдаты.

Поняли многие: шутит матрос. Однако нашлись и такие, которые матросским словам поверили. Так и стал он — Иван Безупречный.

Были последние дни Севастопольской обороны. Фашисты захватили Северную сторону. С юга ворвались в Балаклаву. Потеснили наших на западе у Федюхиных высот. Совсем немного свободной' земли у защитников Севастополя.

Безупречный сражался на Северной стороне. Затем, когда фашисты здесь вышли к Северной бухте и захватили Константиновский равелин, матроса под Балаклавой видели.

— Безупречный?

— Так точно, он!

Потом под Инкерманом матроса встретили. В рукопашном бою с фашистами.

— Безупречный?

— Так точно, он!

Затем он был на Сапун-горе. До последнего патрона сражался матрос. А когда вышли патроны — видят солдаты: поднял черноморец с вершины Сапун-горы камень. Встал во весь рост матрос. Швырнул камень врагам навстречу.

— Сдавайся! Сдавайся! — кричали фашисты.

— Моряки не сдаются! — кричал матрос. И снова камень летел

в фашистов.

Потом потерялся матроса след. Выжил герой, погиб — не сохранилось о том в истории. Фамилия тоже осталась его неизвестной. Однако если спросишь:

— Был Безупречный? Ответят:

Свято бился матрос за родную землю. Безупречным для всех остался.

ХЕРСОНЕС

Всё меньше, меньше защитников Севастополя. Неравные очень силы.

30 июня 1942 года. Прибыл приказ оставить войскам Севастополь.

Мыс Херсонес. Немногие метры свободной Крымской земли. Идёт посадка на катера. Отсюда уходят в море последние защитники Севастополя.

Охраняет посадку сводный отряд моряков. Это прикрытие. Это заслон.

Самые стойкие здесь в заслоне. Это от них зависит судьба других — уйдут ли другие в море.

За ними, за теми, кто остался сейчас в заслоне, тоже должны прийти катера. Только потом. Должны, если, конечно, не опоздают. Должны, если, конечно, уцелеют сами, если их самих не потопят в пути фашисты. И это в заслоне знают.

Бьётся с врагами заслон. А сзади идёт посадка. И с каждой лишней минутой боя там, при посадке, сохраняются чьи-то жизни. Сохраняются чьи-то жизни.

Наступают фашисты. Стремятся прорвать заслон, выйти к морю, туда, где стоят катера.

Трудно матросам. Неравен бой.

Лишь винтовки в руках и гранаты. Но стойко стоят герои. Ведь сзади идёт посадка.

Но вот подходят к концу патроны. Подходят к концу гранаты.

Кончились вовсе патроны. Кончились вовсе гранаты.

Остались одни штыки. Штыки и приклады.

Поднимаются в бой штыковой черноморцы. Мелькают то штык, то приклад, то штык. Бросок. Снова бросок. И опять бросок.

Новые силы ползут к Херсонесу.

А сзади идёт посадка...

Всё больше фашистов, всё меньше наших. "Ура!" — снова в атаку идут черноморцы. И снова штыки. И опять приклады. А там, где приклад разбит, руки хватают ножи для боя, хватают матросы камни.

Несколько дней не утихали бои у моря. Самолёты и танки бросали сюда фашисты. Орудийным огнём сокрушали берег. Держались герои. И все же уж очень неравными были силы Когда отошли от Херсонеса последние транспорты, пришла команда сдать оборону и разойтись солдатам. Остатки

храбрых порвались в

горы. Там, среди крымских партизан они начали новую жизнь героев. Уходят годы за борт истории. Цветет, как прежде, земля Тавриды. Гуляет ветер у скал над морем. 250 дней штурмовали фашисты Севастополь. 250 дней и ночей сражались герои — советские люди. Не ради смерти стояли насмерть. Не ради смерти, а ради жизни.

МЫ ПРИШЛИ, СЕВАСТОПОЛЬ!

Прошло две зимы, два лета. И вот весна 1944 года. По всем фронтам идёт мощное советское наступление. Фашисты разбиты под Сталинградом. Разбиты в боях под Курском. Советские войска переправились через Днепр, погнали врага на запад. Началось стремительное наступление советских войск и здесь, на юге. Сокрушив оборону фашистов, советские части ворвались в Крым. 6 мая 1944 года начался штурм Севастополя.

— Даёшь Севастополь!

— Сева-сто-поль!

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

Бойцы штурмовали Сапун-гору. Поднялась гора у города, прикрыла собой Севастополь. Возьмёшь Сапун-гору — и твой Севастополь.

— Да-ёшь Севастополь!

Кипит на горе сражение. Укрепили фашисты гору. Шесть линий траншей пролегли по скатам. Тысячи мин облепили склоны.

Куда ни глянешь — завалы, накаты, доты. Негде ступить ногой. Штурмуют войска вершину. Дырявят снаряды гору. Трещат завалы, накаты, доты. Железо и камень взлетают к небу. Залп за залпом, как волны в море, несут на гору потоки стали. И ярость боя крушит округу. Как адский молот грохочут взрывы. И даже страшно: чуть взрыв сильнее ударит в гору, и та, уставши, возьмёт и треснет. Расколют гору огонь и ярость. Идёт сраженье. И всё сдаётся: ещё минута — и воин в штурме, в победной силе, упрётся в гору и гору сдвинет.

Вместе со всеми штурмовал Сапун-гору и солдат Иван Яцуненко. Хорошо, когда друзья и товарищи рядом. Легче в общей идти атаке. Вот рядом Илья Поликахин с гранатой в руке атакует блиндаж фашистов. Вот лейтенант Михаил Головня возглавляет на дзот атаку. Вот из пулемёта метким огнём разит фашистов Кузьма Масколенко. А вот парторг роты старший сержант Евгений Смелович. Он совсем рядом бежит с Яцуненко. Знамя полка в руках у Смеловича.

Обернулся на миг Яцуненко. Глянул туда, за спину, вниз со ската Сапун-горы. Видит: наши танки идут лавиной. Глянул в небо. На Сапун-гору обрушились советские штурмовики. "Катюши* из долины на гору смертельный пунктир послали. А там между гор у Балаклавы, где мелькнула полоска моря, увидел Яцуненко советские военные корабли. И черноморцы в бою со всеми.

— Сева-сто-поль!

_ Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

Бежит Яцуненко, разит фашистов, увлёкся боем. Вдруг что такое? А где Евгений Смелович? Где знамя части? Оказалось, упал Смелович. Был он ранен. Качнулось знамя. Но удержалось. Это подбежал Иван Яцуненко. Схватил он знамя.

— Давай, отважный! — кричат солдаты.

— Вперёд, к победе!

Рванулся воин туда, к вершине. Минует взрывы, обходит пули. Всё выше знамя. Всё ближе гребень. Прыжок олений — и ты у цели.

Поднял Иван Яцуненко знамя на вершину Сапун-горы. Заалело знамя на фоне неба.

А слева, справа другие стяги, касаясь славы, шагали к гребню.

И вот с вершины открылся город.

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

— Мы пришли, Севастополь!

За штурм Сапун-горы и освобождение Севастополя более ста человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В их числе был и солдат-знаменосец рядовой Иван Яцуненко.

ОБУХОВ

Есть такое выражение: "По голове обухом". Обух — это часть топора. То его место, с помощью которого топор крепится к топорищу. Ударить обухом — значит ударить очень сильно, сильнее не может быть.

Советскими войсками, которые освобождали Крым и штурмовали

Севастополь, командовал генерал Фёдор Иванович Толбухин.

Во время Великой Отечественной войны фамилии высших командиров Советской Армии часто зашифровывались, заменялись другими. Скажем, генерал Жуков становился Константиновым или Юрьевым, генерал Рокоссовский — Костиным или Румянцевым. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин — Ивановым или Семёновым, начальник Генерального штаба Советской Армии генерал, а затем Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский — Александровым или Владимировым. Время от времени псевдонимы менялись. Незадолго до начала боёв за освобождение Крыма товарищ Сталин предложил:

— Давайте генерала Толбухина назовём Обуховым. Предложил, чуть искоса посмотрел на Толбухина, на других генералов, перешёл к рассмотрению и утверждению фронтовых планов.

Обступили после заседания генерала Толбухина боевые товарищи:

— Ну, Фёдор Иванович, фамилия обязывает!

Стойко обороняли фашисты Крым и Севастополь. Гитлер отдал строжайший приказ войскам сражаться до последнего солдата. Вспоминал Гитлер героическую оборону нашими войсками Севастополя.

— 250 дней не сдавали русские Севастополь! — кричал фюрер.— 250 дней!

Начал Гитлер с того, что сменил командующего фашистскими войсками под Севастополем. Прибыл новый командующий. Дал клятву удержать Севастополь.

Установил Гитлер офицерам и солдатам, обороняющим Севастополь, двойные оклады. Приехали армейские кассиры. Мешки привезли с деньгами. Наиболее отличившимся в боях за Севастополь Гитлер обещал выделить земельные наделы в Крыму.

Забегали интенданты.

Стали готовить списки.

И ещё одно. Приказал Гитлер тех из фашистских солдат, которые отступят, дрогнут в бою или даже только об этом подумают, тут же при всех расстреливать. Устрашают фашисты своих солдат. Грянули выстрелы по своим.

Упорно сражались фашисты. Во многих местах до последней черты стояли. И всё же не удержали они Севастополь.

250 дней штурмовали и никак не могли захватить фашистские солдаты

героический Севастополь во время своего наступления в 1941-1942 годах. Всего лишь пять дней потребовалось советским солдатам, чтобы сломить сопротивление фашистов и освободить Севастополь во время нашего штурма в 1944 году.

Взят Севастополь.

Называют солдаты героев штурма.

Вспоминают сокрушительный наш удар.

Кто-то вспомнил и поговорку про обух, про голову.

Смеются солдаты:

— Точно примечено. Всё по науке.

— Значит, фашистов — накрепко!

— Выходит, фашистов — намертво!

— Обухом по голове!

Освобождён Севастополь. Доволен Толбухин.

Летит донесение в Ставку, в Москву, товарищу Сталину: "Освобождён Севастополь*. А ниже "Обухов".

МАТРОССКОЕ СЕРДЦЕ

Прощался матрос с Севастополем. Два года тому назад.

Поклонился он морю и солнцу. Бухте Северной, бухте Южной.

Простился с Приморским бульваром и Графской пристанью.

Прощайте, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона.

Прощался матрос с Севастополем. Сердце в черноморских волнах оставил. Клятву вернуться дал.

Бросала судьба по фронтам матроса. Вдали от моря с врагом сражался.

Вспоминал Севастополь. Море и солнце. Графскую пристань, бульвар Приморский.

Как там курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона?

— Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь! Лют, беспощаден в боях матрос.

Бывало, друзья к матросу:

— Ты что же, сердца, никак, лишился?

Отвечает друзьям матрос:

— Нет сердца — там, в Севастополе в море, сердце своё оставил Нелёгкие годы провёл матрос. Ранен, контужен, увечен, калечен. Снарядами сечен, минами мечен. Но жив, не убит матрос.

— Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

Вяз в болотах, тонул на переправах. Дожди исхлестали. Кожу сдирал мороз.

Устоял, не погиб матрос.

До Волги дошёл матрос. От Волги шагал матрос. Дрался под Курском. Путь пробивал к Днепру. Славу матросскую нёс, как факел.

Слово сдержал матрос. Вернулся в родной Севастополь.

Вернулся матрос в Севастополь.

— Здравствуйте! — крикнул он морю и солнцу.

— Здравствуйте! — крикнул он бухте Северной, бухте Южной.

— Здравствуйте! — крикнул бульвару Приморскому, Графской пристани.

— Привет вам, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона!

Слово сдержал матрос. Вышел он к морю. На флагштоке у Графской пристани бескозырку, как флаг, повесил.

Отдали волны матросское сердце. Трепетно вынесли на руках.